

На той же, мартовской 1958 года сессии Верховного Совета СССР Булганина освободили от обязанностей главы правительства. На его пост назначили Хрущева.

Судьбу Булганина предопределил провал попытки разделиться с Хрущевым в июне 1957 года. Однако с принятием окончательного решения отец тянул. Он не считал своего теперь уже бывшего друга ни опасным противником, ни серьезным соперником, полагал, что в «антипартийную» заварушку его втянули Маленков с Молотовым, но и от предателя рядом с собой отца с души воротило. С другой стороны, отец полагал, что массовые одномоментные отставки в высшем руководстве на окружающий мир произведут неблагоприятное впечатление. Поэтому, разделившись с ядром заговора, отправив подальше от Москвы Молотова, Маленкова, Кагановича и «примкнувшего к ним Шепилова», он не спешил решать судьбу остальных заговорщиков.

Ворошилов с Булганиным, несмотря ни на что, надеялись, что все обойдется. Первый уповал на свое прошлое: герой Гражданской войны, «первый», пусть и весьма неудачливый, советский маршал. Булганин рассчитывал на многолетнюю дружбу с отцом. Оставались еще Первухин с Сабуровым, тоже давние знакомые отца, но никак не друзья. Особых иллюзий они не питали, но и особенно за свое будущее не опасались. Если уж с Молотовым и Маленковым обошлись не по-сталински, не только оставили в живых, но и предоставили работу, то и им подыщут что-нибудь по специальности. Неприятно, конечно, но ничего не поделаешь.

Но недавнее «антипартийное» прошлое Булганина – это только наиболее видимая часть проблемы. Отца тяготила безынициативность Булганина, его почти нескрываемое равнодушие, если не сказать, отвращение к работе. Он отсиживал в своем кабинете положенные часы, но по-настоящему оживлялся, только покидая Кремль.

Приятное общество, красивые женщины, актрисы (одно время он настойчиво ухаживал за Галиной Вишневской), застолье влекли его куда больше, чем отчеты о выполнении и невыполнении планов, проекты постановлений правительства о новостройках или предложения разного рода визитеров, ученых-изобретателей, проталкивающих свои, якобы сулившие стране неисчислимые блага открытия.

Отца такое отношение Булганина к делам просто бесило: тот оказался даже хуже Маленкова. Еще прошлой осенью отец твердо решил, что Булганина следует заменить, но сделают они это аккуратно-конституционно весной 1958 года, когда после очередных выборов в Верховный Совет СССР старое правительство подаст в отставку. С Булганиным отец определился, а вот кого поставить на его место? Требовался грамотный, инициативный управленец, проводник его планов. В этом смысле наилучшей кандидатурой отцу представлялся Алексей Николаевич Косыгин, организованный, исполнительный, инициативный, человек-компьютер, человек-система. Правда, бюрократ до мозга костей, но с этим приходилось мириться.

В ноябре 1957 года на празднование 40-летия Октябрьской революции в Москву съехались руководители всех дружественных государств. Китайскую делегацию возглавил Председатель КНР Мао Цзэдун. После завершения торжеств решили провести совещания представителей коммунистических и рабочих партий, благо все они уже и так собрались вместе. В перерыве одного из заседаний отец рассказал Мао о зреющих изменениях в советском руководстве. Дружбу нашу тогда еще ничто не омрачало, и он считал своим долгом держать стратегического союзника и партнера в курсе советской политической кухни. Как наиболее вероятного преемника Булганина отец назвал фамилию Косыгина. Мао попросил предста-

вить ему Косыгина. Отец отыскал Алексея Николаевича в фойе, и они, уже вдвоем, продолжили разговор с Мао Цзэдуном. Вскоре прозвенел звонок, и все потянулись в зал заседаний. Косыгин отошел, отец с Мао снова остались вдвоем. В качестве ответной любезности Мао Цзэдун показал отцу пальцем на пробивавшемся к своему месту низкорослого китайца.

– У этого малыша большое будущее, – произнес Мао, – запомните его, он еще себя покажет.

Речь шла о Дэн Сяопине.

Отец поблагодарил собеседника за откровенность. Больше они к кадровым делам не возвращались. На совещании возникли шероховатости, все оставшееся время ушло на взаимные притирки.

К марту 1958 года, к моменту открытия первой сессии Верховного Совета СССР нового созыва, ничего не переменялось, отец по-прежнему держал курс на Косыгина. Но когда пришла пора решать, на заседании Президиума ЦК «молодые»: Кириченко, Игнатов, Козлов, Брежнев, Аристов, упредив отца, в унисон твердили:

«Только вы, и никто иной».

– Мне лучше оставаться секретарем ЦК, – возражал отец.

К тому у него имелись веские основания. Во-первых, после смерти Сталина они приняли специальное решение, не рекомендовавшее совмещение высших государственных постов. Во-вторых, ему хватало власти Первого секретаря ЦК. Ведь именно в ЦК принимались все судьбоносные и не судьбоносные решения, только оформлявшиеся совместными постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Эта «совместность» никого не вводила в заблуждение, Совет Министров вносил свои предложения в ЦК, а не наоборот. Утверждались же они тоже решением Президиума ЦК, а не Постановлением Президиума Совета Министров. Иерархия установилась четкая: глава правительства исполнял решения Президиума ЦК, на заседаниях которого председательствовал Хрущев. Никакой реальной необходимости занимать еще один пост, чтобы проводить в жизнь собственные решения, у него не было. Однако подавляющее большинство участников заседания с отцом не соглашались.

Выступления ничем не отличались одно от другого, все на разные лады повторяли мысль Кириченко, что, назначая отца главой правительства, они «зафиксируют фактически сложившееся положение». Разве что Брежнев выразился поцветистее, высокопарнее: «Приход товарища Хрущева на пост Председателя Совета Министров неизмеримо повысит авторитет самого Совета Министров. И во внешнюю политику Никита Сергеевич вносит свою гениальность». Однозначно «за» Хрущева высказался и Косыгин, а что творилось у него на душе, знал он один.

Только Микоян, как всегда, вначале осторожно засомневался: «...Я был другого мнения, чтобы товарищ Хрущев оставался Первым секретарем ЦК, а председателем правительства поставить другого, – и тут же присоединившись к большинству, неразборчиво, с сильным армянским акцентом, забормотал: – Пойти на выдвижение на пост Председателя Совета Министров товарища Хрущева, оставив его Первым секретарем ЦК. Минусов меньше, а плюсов будет больше».

– До последнего момента сомневался, – поддержал Микояна Ворошилов. – Но товарищи говорят убедительно. Авторитет партии поднят на громадную высоту. Товарищ Хрущев много этому отдал сил. Спасибо ему.

Почувствовав, что начал запутываться, Ворошилов дальше продолжать не стал.

– Я бы согласился с мнением товарища Хрущева. По Совету Министров большая нагрузка, – неожиданным диссонансом прозвучали слова кандидата в члены Президиума, секретаря Грузинского ЦК Мжаванадзе, но на них никто и внимания не обратил.

Все дружно и напористо убеждали отца, что совмещение секретарского и председательского постов пойдет на пользу делу, позволит решать вопросы быстрее, эффективнее, без лишних споров, без лишней волокиты.

Насколько они были искренни, не берусь судить. Однако очевидно, иметь над собой в дополнение к отцу еще и Косыгина улыбалось далеко не всем. Но более всего они старались потрафить отцу.

– Не должны упрощать. Компартии будут упрекать. Мы советовали им перестраиваться. Солидная часть партии неодобрительно отнесется. К тому же возраст, не следует жадничать, надо растить людей, – не очень уверенно отбивался отец.

Но члены Президиума ЦК просто навалились на него. В конце концов отец позволил себя уговорить.

По моему мнению, решающим фактом тут стало не единодушие соратников, а все более активное вовлечение нашей страны в международные дела, в отношения с Западом, с Соединенными Штатами Америки, Великобританией, Францией и отчасти с Германией.

Если во внутренних делах отец чувствовал себя хозяином, то в отношениях с этими странами он, глава партии, не занимавший никаких значительных государственных постов, постоянно ощущал свою ущербность. Ни в Белом доме в Вашингтоне, ни на Даунинг-стрит, 10 в Лондоне, ни в Елисейском дворце в Париже не желали иметь формальных отношений со Старой площадью в Москве. В протокольных департаментах этих стран Первый секретарь ЦК КПСС вообще не значился в списке руководителей страны, ему не направляли официальных посланий, не поздравляли с праздниками, не приглашали нанести визит. Для них Хрущева просто не существовало. Формально, конечно. Западные лидеры отлично разбирались во властных структурах в СССР, при любой возможности стремились встретиться и поговорить с отцом, а возможно, и договориться, но все это в частном, приватном порядке, на худой конец – как с членом Президиума Верховного Совета СССР. Только этот декоративно-почетный титул связывал отца с властными государственными структурами.

Когда в мире случались кризисы, то нашу позицию вырабатывал отец, он составлял послания американскому президенту, главам других правительств, правил дипломатические ноты, но подписывал послания Председатель Совета Министров СССР или министр иностранных дел. В мире говорили о мирных инициативах Маленкова или успехах дипломатии Булганина, к примеру, в разрешении Суэцкого кризиса 1956 года. Тогда объединенные силы Англии, Франции и Израиля попытались отвоевать недавно национализированный Египтом Суэцкий канал, и только выдвинутая отцом, но подписанная Булганиным угроза Москвы применить все имеющиеся у нас средства, в том числе и ракетно-ядерные, заставила нападающую сторону в 24 часа прекратить боевые действия, а потом и вовсе ретироваться.⁵¹

На совещание четырех держав в Женеву в 1955 году и во время государственного визита в Великобританию лидеры западных стран вели переговоры, в основном, с отцом, а итоговые документы, согласно протоколу, подписывал Председатель Совета Министров Булганин. И в соседней Финляндии, где отец по-человечески сдружился с ее президентом Кекконеном, заключительное коммюнике подписал все тот же Булганин. Таким образом, в историю вошли договоренности Булганина – Кекконена, а не Хрущева – Кекконена. Отец никогда открыто не обсуждал своих «протокольных унижений», но даже я видел, насколько это его задевает.

Так или иначе, но отец согласился, правда, с оговоркой, что спустя некоторое время следует вернуться к вопросу о главе правительства.

Вернулись 13 октября 1964 года, когда те же самые люди захлеб упрекали отца за совмещение постов в ЦК и Совмине.

⁵¹ Свое видение событий тех лет я изложил в книге «Рождение сверхдержавы. Книга об отце».

– Но вы же сами так настаивали, – напомнил он, но его никто не услышал.

Но до 1964 года еще предстояло прожить долгие шесть лет. Пока же сессия Верховного Совета, по предложению Ворошилова, единогласно утвердила Хрущева главой Советского правительства. Булганина переместили на пост председателя Государственного банка СССР и оставили членом Президиума ЦК. Ненадолго. В начале сентября 1958 года его выведут из Президиума ЦК, снимут с Госбанка и отправят с глаз долой на Ставрополье, председателем совнархоза. В 1960 году, благо Булганину уже перевалило за пенсионные шестьдесят лет, он, уйдя на «заслуженный отдых», вернется в Москву, получит двухкомнатную квартиру на Фрунзенской набережной, где и проживет немалый остаток жизни.

В преддверии своего последнего, 1964 года отец вспомнит о давнем друге, пригласит Булганина на встречу Нового года в Кремль. За банкетным столом они прослезятся, чокнутся бокалами с шампанским, о чем-то пошепчутся и разойдутся. Теперь уже навсегда.

Пенсионера союзного значения Николая Александровича Булганина в феврале 1975 года, без каких-либо государственных почестей, похоронят на Новодевичьем кладбище в Москве.

Перестановки во власти не ограничились одним Хрущевым. Энергичный, куда менее забюрократизированный, Козлов без особого труда оттер Косыгина, сделал свой первый шаг к восхождению к вершинам власти. 31 марта 1958 года решением все той же, 1-й сессии Верховного Совета СССР нового созыва, что поставила отца во главе правительства, Фрол Романович Козлов стал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Косыгин, в ранге просто заместителя главы правительства, отошел на второй план. Почему? Не знаю.

С Косыгиным у отца установились ровные, я бы сказал, теплые отношения. Если такое вообще возможно сказать в адрес Косыгина, тщательно высчитывавшего каждый шаг, выверяющего расчетами любую эмоцию. И в работе Косыгин верил в магическую силу вычерченных им структур-квадратиков иерархической управленческой вертикали. Косыгин не поддерживал отцовской «самодеятельности» с совнархозами. Она нарушала «стройность» государственной иерархии, претила ему «вседозволенностью», передачей властных полномочий на места, ограничением центральной власти.

И тем не менее, в июне 1957 года Косыгин не поддержал Маленкова с Молотовым, хотя в душе и соглашался с их оценкой совнархозной реформы. К тому имелись личные причины. Он не просто боялся возврата к старому, но это старое отождествлялось для него с личностью Маленкова, истребившего в 1949 году всех его друзей-ленинградцев. Тогда расправились с Вознесенским, Кузнецовым и только его почему-то не тронули.

Косыгин никогда не рисковал, но тут, несмотря ни на что, поставил на Хрущева. И выиграл. В октябре 1964 года он сменит Хрущева на посту главы правительства. Отец сочтет его кандидатуру достойной.

Вместо Козлова председателем правительства РСФСР стал сорокалетний Дмитрий Степанович Полянский. Отец с ним познакомился в Крыму, где Полянский с 1949 года «сидел» в обкоме. Отцу он понравился своей деловой хваткой, и он больше не выпускал Полянского из вида. Предложив Полянского на «Россию», отец положил начало омоложению верховных кадров. Он считал недопустимым, что руководство страны сосредоточено в руках пятидесятилетних «стариков». Пора уступать дорогу молодым энергичным людям, жадным до нового и до самой жизни. Полянский, по мнению отца, как раз из таких. В октябре 1964 года Дмитрий Степанович подготовит настолько пропитанный ядом доклад против уже фактически потерявшего власть отца, что даже Брежнев с Сусловым не сочтут возможным выпустить его на трибуну.

Почти одновременно с потерей Булганиным поста главы правительства покинули Москву еще два «антипартийца» – Первухин с Сабуровым. Первый в марте 1958 года отправился послом в ГДР, где и прослужил до 1963 года. Он активно общался по службе с отцом,

принимал его в Берлине во время государственных визитов. Оба они делали вид, что прошлое забыто. В 1963 году отец предложил Первухину работу в Москве во вновь созданном, самом главном Всесоюзном совнархозе. Имел ли он на Первухина какие-то виды (отец высоко отзывался о профессионализме Первухина), не знаю. После отставки отца Первухин так и засох на уровне начальника отдела, сначала в Совнархозе, а после его ликвидации – в Госплане.

Сабурову повезло меньше. Отец не простил ему провала с пятилеткой. В мае 1958 года Сабурова отправили в Сызрань. Там он и руководил то одним, то другим заводом до 1967 года, до пенсии.

Ворошилова не тронули. Он оставался Председателем Президиума Верховного Совета до 1960 года, так же лебезил перед отцом, как он когда-то лебезил перед Сталиным, с готовностью и радостью всей семьей навещал отца на даче. Если его приглашали, конечно. Отец относился к Ворошилову снисходительно-покровительственно, но считал его бездельником, что, скорее всего, соответствовало действительности. Ворошилов умер уже при Брежневе. Похоронили его почти по высшему разряду, на Красной площади, в Кремлевской стене.